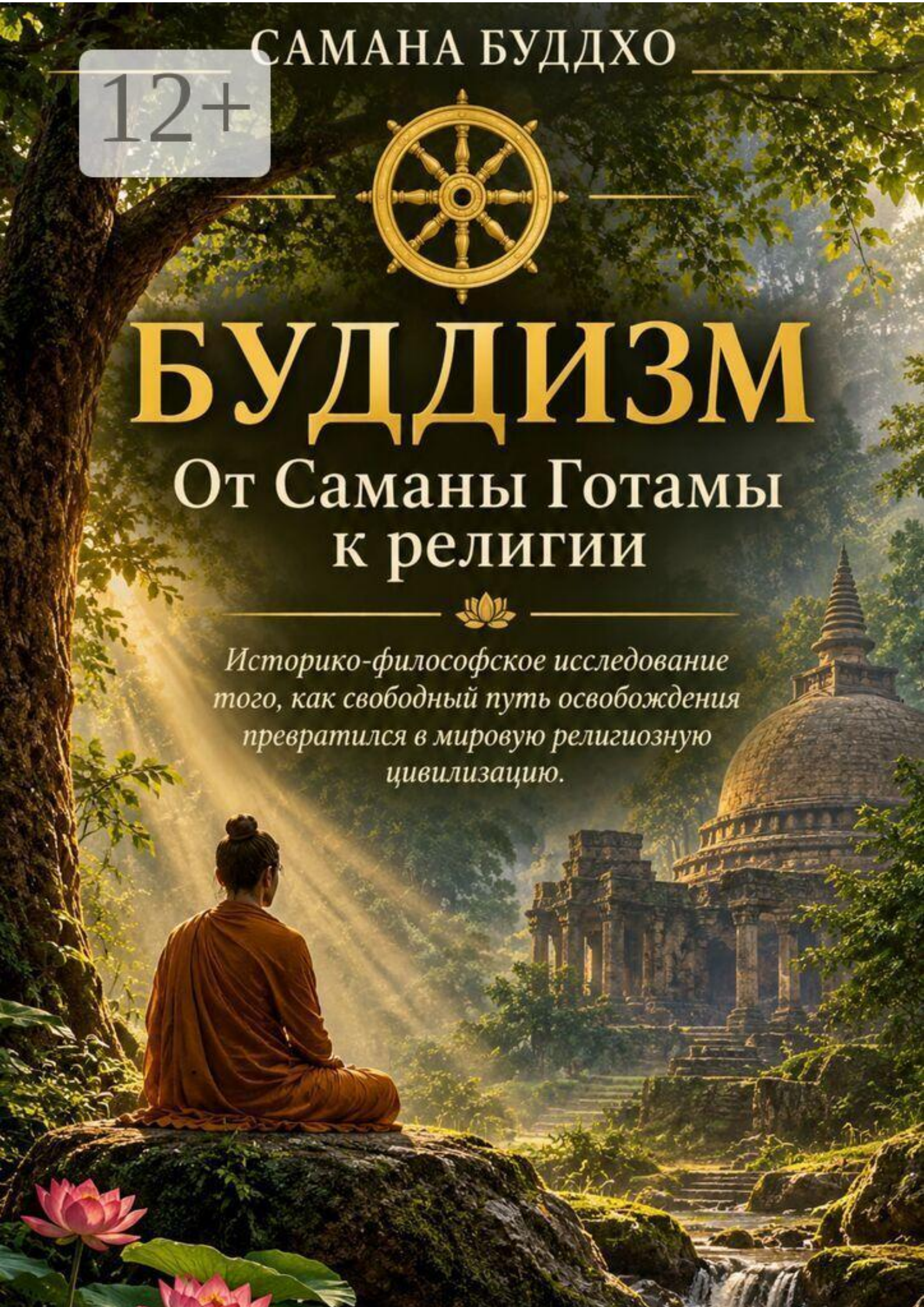
САМАНА БУДДХО

12+

БУДДИЗМ

От Саманы Готамы к религии

Историко-философское исследование того, как свободный путь освобождения превратился в мировую религиозную цивилизацию.



Самана Буддхо

Буддизм. От Саманы Готамы к религии

«Издательские решения»

Буддхо С.

Буддизм. От Саманы Готамы к религии / С. Буддхо — «Издательские решения»,

Самана Буддхо, «Буддизм: от саманы Готамы к религии» — глубокое исследование того, как изначальный путь странствующего аскета постепенно превратился в мировую религию.

© Буддхо С.
© Издательские решения

Содержание

Как читать эту книгу 6
Не учреждал мировую религию с храмами, жрецами и обрядами 7
Как путь превратился в религию 8
О чём эта книга 9
Рождение Будды 10
И здесь начинается самое интересное 11
Когда это произошло? 12
И в этом есть парадокс 17
Сон Махамайи 18
Белый слон 19
Что говорит традиция? 20
От человека к бодхисатте 22
И здесь появляется главный вопрос 23
Семь шагов — рождение Будды 24
Как рассказывает традиция 25
От рождения к уходу 28
Четыре знамения 29
В ранней версии нет спектакля 30
А что насчёт отшельника? 32
Великий уход 35
Ранняя версия гораздо проще 36
Что произошло с Кантхакой? 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Буддизм. От Саманы Готамы к религии

Самана Буддхо

© Самана Буддхо, 2026

ISBN 978-5-0071-7254-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Буддизм: от саманы Готамы к религии
Самана Буддхо
Введение

Как читать эту книгу

Когда сегодня произносят слово «буддизм», перед глазами у каждого возникает своя картина.

Для одного это тихий человек, сидящий со скрещёнными ногами и наблюдающий за собственным дыханием.

Для другого — золотые статуи в храмах, дым благовоний, звон колокольчиков, подношения цветов и молитвы о благом перерождении.

Для третьего — сложнейшие философские трактаты о пустотности, мгновенности бытия и структурах сознания.

Для четвёртого — небесные миры, великие бодхисаттвы, Чистые Земли, мантры и священные реликвии.

Всё это действительно существует. Всё это — часть огромного исторического мира, который сегодня называют буддизмом.

Но за этим многообразием легко потерять исходную точку.

С чего всё началось?

Около двух с половиной тысяч лет назад в северо-восточной Индии жил человек по имени Сиддхаттха Готама.

Он не называл себя богом.

Не объявлял себя пророком, передающим волю творца вселенной.

Не учреждал мировую религию с храмами, жрецами и обрядами

Он был саманой (шраманой) — странствующим искателем, который оставил привычную жизнь ради одного-единственного вопроса:

почему существует страдание — и можно ли его прекратить?

Его путь не был триумфальным шествием сверхчеловека, которому истина была известна с колыбели. Это был путь сомнений, проб и ошибок. Он учился у наставников, осваивал глубокие медитативные состояния, доводил тело до крайнего истощения в суровой аскезе, отказывался от неработающих методов и в конце концов обнаружил то, что назвал Срединным путём.

А после пробуждения он начал говорить с людьми. Не о том, кому и как нужно поклоняться, а о том, как устроен человеческий ум, как возникает жажда и цепляние и каким образом человек может освободиться.

Как путь превратился в религию

Но история не стоит на месте.

После смерти учителя его слова передавались устно из поколения в поколение. Возникали общины, споры, школы и комментарии. Память о человеке, прошедшем путь освобождения, постепенно обрастала легендами.

Исключительность Будды начали переносить всё дальше назад — от момента пробуждения под деревом Бодхи к его юности, рождению, зачатию и даже предшествующим небесным существованиям.

Простой человеческий поиск превращался в космическую драму.

Практические наставления об исследовании ума разрастались в грандиозные схоластические системы.

Реликвии учителя становились объектами культа, а сам Будда из наставника, указывающего путь, постепенно превращался в фигуру космического масштаба, к которой обращаются за спасением и защитой.

О чём эта книга

Эта книга — не попытка «разоблачить» буддизм или объявить поздние традиции ложными. Любая живая традиция развивается, вбирает в себя культуры, отвечает на запросы новых эпох и создаёт собственный язык символов.

Задача здесь иная — научиться различать слои.

Увидеть, где звучит голос раннего шраманского поиска, а где начинается священная биография.

Понять, как внутреннее переживание превращается в миф, философский анализ — в схоластику, а память об учителе — в религиозный культ.

Пройдя шаг за шагом от легенд о небесном рождении Готамы до махаянских Чистых Земель и ведических богов, вошедших в буддийский мир, мы попробуем ответить на главный вопрос:

что остаётся от саманы Готамы, если бережно снять с его образа наслоения двадцати пяти столетий?

Рождение Будды

Как человек стал Буддой ещё до того, как стал Буддой

История Будды начинается не с проповеди.

Она начинается с рождения.

Но если открыть позднейшие буддийские тексты, оказывается, что рождение Сиддхаттхи Готамы — это уже не обычное рождение человека.

Это событие космического масштаба.

Будущий Будда ещё не появился на свет, а небеса уже знают, кто должен родиться.

Бодхисатта пребывает среди богов Туситы.

Он покидает небесный мир и входит в утробу своей матери Махамайи.

В момент зачатия появляется необыкновенный свет.

Мир содрогается.

Мать будущего Будды видит его как чистое, совершенное существо.

А затем наступает день рождения.

Майя стоит, держась за ветвь дерева, и рождает ребёнка стоя.

Будущего Будду принимают божества.

Он не касается земли.

Его омывают два небесных потока — один холодный, другой тёплый.

И затем происходит самое известное.

Новорождённый ребёнок встаёт на ноги.

Он делает семь шагов.

Смотрит во все стороны.

Над ним держат белый зонтик.

И он произносит:

«Я — главный в мире. Я — старший в мире. Я — высший в мире. Это моё последнее рождение».

Так выглядит рождение Будды в традиционном повествовании.

Но теперь возникает главный вопрос этой серии:

а когда именно эта история стала такой?

Что действительно есть в ранних текстах?

Один из важнейших источников — Mahāpadāna Sutta, DN 14, «Великое повествование о линии Будд».

И здесь есть важная тонкость.

Текст рассказывает прежде всего о прошлом Будде Випасси, но одновременно объясняет, что подобные события являются «законом» или обычным порядком для бодхисатты.

Именно здесь мы встречаем нисхождение бодхисатты из Туситы в утробу матери, чудесный свет, необычное рождение, небесное омовение и семь шагов.

То есть это не просто поздняя народная легенда.

Подобный сюжет уже присутствует в палийском каноническом материале.

Но это ещё не означает, что перед нами историческая запись рождения Готамы.

Потому что сам текст устроен иначе.

Он рассказывает о нескольких Буддах и показывает повторяющуюся схему их появления.

Получается уже не биография конкретного человека, а модель того, каким должен быть Будда.

И здесь начинается самое интересное

В ранних текстах Будда обычно говорит о себе как о человеке, который сам прошёл путь к пробуждению.

Он оставляет дом.

Практикует.

Учится у других учителей.

Проходит через аскезу.

Отказывается от крайностей.

Садится под деревом.

И достигает пробуждения.

То есть Будда становится Буддой через путь.

Но в истории чудесного рождения появляется другая идея:

он был особенным уже до рождения.

Он заранее является будущим Буддой.

Он приходит из Туситы.

Его рождение сопровождается космическими знаками.

Он уже знает, что это его последнее рождение.

И получается интересный сдвиг.

История человека, который стал Буддой, постепенно превращается в историю существа, которое пришло в этот мир уже предназначенным стать Буддой.

Это две разные модели.

Когда это произошло?

Здесь необходимо различать несколько дат.

Исторический Готама, согласно наиболее распространённым реконструкциям, жил примерно в V веке до н. э.; точные даты его жизни остаются предметом научных споров.

Его учение долго передавалось устно.

Первые буддийские тексты не были записаны при его жизни.

Письменная фиксация палийского канона традиционно связывается со Шри-Ланкой и относится примерно к I веку до н. э.

А затем начинается постепенное развитие биографической традиции.

В ранних никаях мы находим отдельные эпизоды жизни Будды.

Но цельной биографии там ещё нет.

Полные биографии появляются значительно позднее.

Например:

Buddhacarita Ашвагхоши — примерно начало II века н. э.

Mahāvastu — текст, формировавшийся постепенно, начиная примерно с первых веков до н. э. и в первые века н. э.

Lalitavistara — примерно III век н. э. в своей известной форме.

Nidānakathā — ранняя полная биография Будды на пали, сформировавшаяся уже в первые века нашей эры.

То есть между историческим Буддой и развитой биографической легендой лежат несколько столетий развития традиции.

А что же тогда произошло на самом деле?

Вот здесь нужно быть осторожным.

Мы не можем исторически доказать, что за рассказом о семи шагах стояло конкретное медитативное переживание.

Но мы можем увидеть механизм формирования мифа.

Первоначально существовала память о человеке — Сиддхаттхе Готаме.

Он родился в сакьянской среде.

Стал странствующим шраманом.

Искал освобождение.

Достиг пробуждения.

И основал общину.

Затем память об этом человеке передавалась поколениями.

И вместе с ней развивалось представление о том, кем именно был Будда.

Чем выше становился его духовный статус, тем естественнее становилось переносить признаки его исключительности всё дальше назад — вплоть до рождения.

Так человек, который стал Буддой благодаря пробуждению, постепенно превращается в бодхисатту, который уже при рождении является будущим Буддой.

А семь шагов получают символическое значение.

В самом тексте поздняя традиция уже толкует эти семь шагов символически — например, связывает их с семью факторами пробуждения. Белый зонтик становится символом освобождения, направление на север — указанием на дальнейшее движение к Ниббане, а заявление новорождённого — своеобразным «львиным рыком» будущего Будды.

И это очень показательно.

Потому что перед нами уже не просто рассказ о том, что произошло.

Перед нами рассказ, который объясняет, что означает Будда.

Так что же мы можем сказать?

Исторически мы можем говорить о Готаме как о человеке, жившем в древней Индии и ставшем основателем буддийского движения.

Мы можем исследовать ранние тексты и определить, какие мотивы в них уже присутствуют.

Мы можем проследить, как в первые века нашей эры появляются всё более подробные биографии.

Но мы не можем честно сказать:

«Будда родился обычным человеком, а потом кто-то придумал семь шагов».

Для этого у нас нет доказательств.

Точно так же мы не можем сказать:

«Семь шагов действительно произошли буквально».

Исторических свидетельств этого у нас тоже нет.

Поэтому гораздо интереснее третий вариант.

Возможно, перед нами процесс, в котором реальная память о человеке постепенно получила символический язык.

А затем символ стал историей.

История стала священным рассказом.

И священный рассказ начал восприниматься как описание самого события.

Именно этот процесс мы и будем прослеживать дальше.

Потому что вопрос этой серии не в том, чтобы спросить:

«Было ли это чудо?»

Вопрос глубже:

«Почему буддийская традиция стала рассказывать о Будде именно так?»

И что произошло с образом шрамана Готамы за несколько столетий после его смерти?

Это уже совсем другая история.

Сон Майи и нисхождение из Туситы

Как шраман Готама оказался небесным существом ещё до рождения

Если первая история начинается с рождения Будды, то следующий вопрос возникает ещё раньше:

откуда он вообще пришёл?

В современной буддийской традиции ответ кажется очевидным.

Будущий Будда — бодхисатта — ещё до своего последнего рождения пребывает в небесном мире Тусита.

Он уже знает, что станет Буддой.

Он выбирает время своего рождения.

Выбирает место.

Выбирает семью.

И затем сознательно нисходит из небесного мира в утробу Махамайи.

Так начинается последняя жизнь Будды.

Но если мы посмотрим на это глазами исторического исследования, возникает совершенно другой вопрос:

был ли Готама изначально представлен как небесное существо — или этот образ сформировался постепенно?

Тусита — что это вообще такое?

Тусита, или Tusita, — один из небесных миров буддийской космологии.

В палийской традиции это мир богов.

И именно там, согласно позднейшей традиции, пребывают бодхисатты перед своим последним рождением.

Здесь появляется важная деталь.

Само существование богов и небесных миров встречается уже в ранних буддийских текстах.

Поэтому нельзя просто сказать:

«Небеса придумали намного позже».

Это было бы неправильно.

Буддийская Дхамма с самого раннего периода уже существовала внутри индийской космологической картины мира.

Но другое дело — какую роль играют небеса в образе самого Будды.

И вот здесь начинается постепенное изменение.

Ранний Будда — прежде всего шраман

Если убрать позднейшие биографические украшения, перед нами появляется совершенно другой образ.

Сиддхаттха Готама — человек.

Он живёт в обществе древней Северной Индии.

Он сталкивается с проблемами рождения, старения, болезни и смерти.

Он оставляет дом.

Становится странствующим шраманом.

Учится у других учителей.

Практикует сосредоточение.

Проходит через суровую аскезу.

Отказывается от крайностей.

И самостоятельно ищет путь к освобождению.

Это принципиально важно.

Он не получает Дхамму от небесного бога.

Он не спускается на землю как готовый пророк.

Он не получает откровение от высшего существа.

Он ищет.

Практикует.

Проверяет.

Познаёт.

И именно поэтому в шраманской перспективе Будда — это прежде всего тот, кто пробудился собственным усилием.

Но позднее происходит удивительная перемена

Чем больше развивается культ Будды, тем дальше назад начинает переноситься его исключительность.

Сначала Будда — человек, достигший пробуждения.

Затем он становится величайшим учителем.

Затем — существом с необычайными способностями.

Затем — существом, которое обладало особыми качествами уже до рождения.

И наконец возникает полностью развитая картина:

Будда был Буддой ещё до того, как родился.

И здесь Тусита становится очень важной.

Будущий Будда уже находится среди богов.

Он уже бодхисатта.

Он уже знает свою судьбу.

Он уже выбирает последнее рождение.

То есть путь превращается в предопределённую космическую биографию.

Но что говорит ранний текст?

Один из важнейших источников — Mahāpadāna Sutta (DN 14).

Текст особенно интересен потому, что рассказывает о Будде Випасси и других прошлых Буддах.

И там появляется схема, которая затем становится моделью для рождения Будд.

Бодхисатта пребывает в Тусите.

Затем происходит нисхождение в утробу матери.

Мир наполняется необыкновенным светом.

Происходят чудесные события.

Рождение становится космическим событием.

То есть перед нами уже не просто биография одного человека.

Перед нами модель рождения Будды как особого типа существа.

И именно это очень важно для понимания дальнейшей мифологии.

Когда появился этот образ?

Здесь мы снова должны соблюдать осторожность.

Будда, согласно наиболее распространённой исторической реконструкции, жил примерно в V веке до н. э.

Но письменная фиксация палийского канона произошла значительно позднее — традиционно её относят примерно к I веку до н. э.

А развитая буддийская биографическая литература появляется ещё позже.

Например, Buddhacarita Ашвагхоши обычно датируют началом II века н. э.

Lalitavistara в своей окончательной форме относится к первым векам нашей эры.

Nidānakathā, которая стала важнейшей биографией Будды в традиции Тхеравады, также относится к значительно более позднему периоду.

Получается огромный промежуток.

Между историческим Готамой и развитой историей его небесного происхождения лежат столетия устной передачи, развития общины и формирования буддийской литературы.

А что могло стоять за этим?

Здесь начинается самое интересное.

Мы не можем доказать, что за Туситой стояло конкретное медитативное переживание.

Но можно увидеть, почему такой образ был естественным для древней индийской культуры.

Шраманы исследовали сознание.

Они практиковали глубокие состояния сосредоточения.

Индийская культура уже имела развитые представления о небесных мирах и перерождении.

Поэтому язык «небесного рождения» был вполне естественным способом говорить о судьбе великого духовного существа.

Но затем произошло то, что часто происходит с символом.

Символ становится событием.

И если первоначально идея могла выражать высший статус будущего Будды, то позднее она превращается в буквальную биографию:

он действительно жил среди богов;

действительно решил родиться;

действительно спустился из Туситы;

действительно выбрал родителей.

И здесь особенно хорошо видна разница между шраманизмом и религиозной мифологией

Шраманский путь говорит:

исследуй.

Практикуй.

Наблюдай ум.

Познавай страдание.

Увидь его возникновение.

Увидь его прекращение.

Пройди путь сам.

Будда именно поэтому говорит о Дхамме как о том, что должно быть непосредственно познано.

А мифологическая модель постепенно переносит центр тяжести.

Теперь важным становится уже не только:

«Что Будда познал?»

но и:

«Кто он был до рождения?»

«Откуда он пришёл?»

«Какие небеса он посещал?»

«Какие боги ему поклонялись?»

«Какие чудеса сопровождали его появление?»

Так вокруг практического пути возникает всё более сложная религиозная космология.

И в этом есть парадокс

Чем больше Будда становится сверхъестественным существом, тем дальше он оказывается от первоначального образа шрамана.

Шраман — это странник.

Искатель.

Отшельник.

Человек, который отказался от привычной жизни ради освобождения.

А космический Будда уже является существом, которое заранее знает своё предназначение и появляется в мире по собственной воле.

Это уже совершенно иной образ.

И возможно, именно поэтому так важно возвращаться к раннему слою.

Не для того, чтобы уничтожить позднюю традицию.

А чтобы увидеть сам процесс её формирования.

Что мы можем сказать исторически?

Исторически мы можем достаточно уверенно говорить о существовании раннего буддийского движения, связанного с Готамой, и о том, что оно возникло внутри шраманской среды древней Индии.

Мы можем проследить развитие буддийской литературы.

Мы можем сравнивать ранние тексты с позднейшими биографиями.

Но мы не можем установить исторически, что Готама действительно пребывал в Тусите перед рождением.

Это уже область религиозного утверждения.

А вот то, что образ небесного бодхисатты становится всё более важной частью поздней буддийской биографии, мы можем исследовать по самим текстам.

И именно это нам особенно интересно.

Потому что вопрос уже не только:

«Был ли Будда на небе?»

Вопрос другой:

«Почему исторический шраман Готама постепенно оказался помещённым на небеса ещё до своего рождения?»

И ответ на этот вопрос ведёт нас дальше — к следующей истории.

К самой Махамайе.

К её сну.

К белому слону.

И к тому моменту, когда будущий Будда впервые входит в человеческую историю.

Сон Махамайи

Белый слон, небесное зачатие и рождение будущего Будды

История рождения Будды начинается ещё до его рождения.

Сначала появляется сон.

Махамайя, мать будущего Будды, видит необыкновенное видение.

К ней приближается белый слон.

Он входит в её тело.

После этого брахманы объясняют сон: женщина зачала необычного ребёнка.

Он станет либо великим царём, либо великим духовным учителем.

Так позднейшая буддийская традиция объясняет появление на свет Сиддхаттхи Готамы.

Но здесь опять необходимо остановиться.

Перед нами действительно древний буддийский мотив — но его значение менялось вместе с развитием традиции.

Белый слон

Белый слон в индийской культуре был не случайным животным.
Слон ассоциировался с царской властью, силой, величием и благородством.
Белый цвет имел особое сакральное значение.
Поэтому появление белого слона во сне Махамайи сразу сообщает слушателю: этот ребёнок будет необычным.
Но это ещё не обязательно означает биологическое описание зачатия.
В древней индийской литературе сон может быть знаком.
Он сообщает о будущем.
Он символически выражает судьбу человека.
И поэтому первоначальная функция такого рассказа могла быть гораздо проще: показать исключительность будущего Будды ещё до его появления на свет.

Что говорит традиция?

В позднейшей биографии картина становится совершенно конкретной.

Бодхисатта находится в Тусите.

Он принимает решение родиться в человеческом мире.

Махамайя видит белого слона.

Бодхисатта входит в её утробу.

При этом она остаётся чистой.

Будущий Будда находится в её чреве особым образом.

Его рождение сопровождается чудесами.

Вокруг происходят необыкновенные события.

Таким образом, обычный человеческий процесс рождения превращается в космическое событие.

Но есть одна важная проблема

Если мы хотим говорить именно о раннем буддизме, нужно спросить:

а есть ли этот рассказ в самых ранних слоях?

И здесь картина неоднозначна.

В раннем палийском материале мы действительно встречаем рассказы о необычном рождении бодхисатты.

Например, в Mahāpadāna Sutta говорится о нисхождении бодхисатты в утробу матери и о чудесных событиях, сопровождающих это.

Но этот текст прежде всего говорит о Випасси Будде, а не является биографией Сиддхаттхи Готамы.

И это очень важно.

Потому что перед нами может быть не первоначальная биография конкретного человека, а шаблон, по которому позднее стали описывать всех Будд.

Когда появляется полноценная история?

Здесь мы снова видим несколько исторических слоёв.

Исторический Готама жил примерно в V веке до н. э.

Его учение передавалось устно.

Буддийские общины сохраняли отдельные эпизоды его жизни.

Но цельной биографии в ранних никаях нет.

В течение последующих столетий различные школы развивают собственные рассказы о жизни Будды.

К первым векам нашей эры появляются уже развитые биографические произведения.

Одним из важнейших становится Buddhacarita Ашвагхоши — приблизительно II век н. э.

Другим — Lalitavistara, окончательная форма которого сложилась позднее.

А в традиции Тхеравады важнейшее значение получает Nidānakathā.

И чем позднее становится текст, тем подробнее становится биография.

Появляются:

небесное происхождение,

выбор родителей,

чудесное зачатие,

предзнаменования,

пророчества,

чудеса рождения,

семь шагов,

космические события.

Что могло стоять за белым слоном?
Здесь нужно отделить факт от реконструкции.
Мы не знаем, что именно пережила Махамайя.
Мы не можем исторически доказать, что она действительно видела сон с белым слоном.
Но можем понять, почему этот образ оказался настолько удобным для традиции.
Сон выполняет роль перехода между человеческим и сверхчеловеческим.
До него существует обычная женщина.
После него — мать будущего Будды.
И это очень характерный механизм мифологизации.
Вместо того чтобы просто сказать:
«У Махамайи родился сын, который впоследствии стал Буддой»,
традиция переносит исключительность Будды назад.
Сначала он необычен при пробуждении.
Потом необычен во время аскезы.
Потом необычен с самого детства.
Потом необычен в момент рождения.
А затем — необычен ещё до зачатия.

От человека к бодхисатте

И вот здесь происходит важнейшее изменение.
Для шраманского пути принципиально важен сам процесс освобождения.
Человек становится пробуждённым благодаря практике.
Он наблюдает тело.
Наблюдает чувства.
Наблюдает ум.
Понимает возникновение страдания.
Понимает его прекращение.
Развивает путь.
Это движение от невежества к знанию.
Но мифологическая биография движется в противоположную сторону.
Она переносит совершенство Будды всё дальше назад.
Будда уже не просто человек, который достиг пробуждения.
Он становится бодхисаттой ещё до рождения.
Затем — небесным существом.
Затем — существом, которое сознательно выбирает своё рождение.
И наконец — ребёнком, который уже знает, что это его последнее рождение.

Почему это важно для понимания шраманизма?

Потому что здесь хорошо видно различие между путём и культом личности.
Шраманский путь можно пройти.
Его нельзя просто получить по наследству.
Нельзя родиться архатом.
Нельзя стать освобождённым только потому, что ты родился в правильной семье.
Именно поэтому ранняя Дхамма так сильно сосредоточена на практике.
Будда интересен не потому, что он родился чудесным ребёнком.
Он интересен потому, что прошёл путь и познал Дхамму.
А позднейшая мифология постепенно делает акцент на другом:
не только на том, что он познал,
но и на том, кем он был по своей космической природе.

Возможно, здесь и произошло превращение опыта в миф

Мы не можем утверждать, что первоначально существовал какой-то конкретный мистический опыт, из которого затем возник белый слон.

Но можем предположить более общий процесс.

В древней индийской культуре сны, знамения и необычные видения могли восприниматься как значимые сообщения.

Если община считала Готаму величайшим из учителей, естественным становилось искать знаки его будущего величия ещё до его рождения.

Так возникает рассказ.
Рассказ передаётся.
Рассказ повторяется.
Рассказ получает подробности.
И через поколения символ становится частью священной биографии.

И здесь появляется главный вопрос

Если белый слон — символ будущего величия,

если Тусита — небесный образ,

если семь шагов — символическое заявление,

если чудеса рождения выражают исключительность Будды,

то возникает вопрос:

где заканчивается история Готамы и начинается история Будды как мифологического существа?

И, возможно, ответ нельзя поставить в одну конкретную дату.

Это был процесс.

Он продолжался столетиями.

Исторический шраман постепенно превращался в Будду космической религии.

Но чем больше мы снимаем позднейшие слои, тем отчётливее становится первоначальная фигура.

Не бог.

Не небесный пророк.

Не сын божества.

А человек, который оставил мир, стал шраманом и отправился искать освобождение.

И именно с этого момента начинается следующая история.

История Сиддхаттхи Готамы — ребёнка, которому ещё предстоит стать шраманом.

Семь шагов — рождение Будды

От шраманы Готамы к Будде современного буддизма

Мы подошли к самому моменту рождения.

Махамайя рождает ребёнка.

Но в традиции это уже не просто рождение человека.

Это событие, которое затрагивает весь мир.

Будущий Будда появляется на свет не так, как обычный человек.

Боги присутствуют при его рождении.

Небеса и земля реагируют.

Его принимают божества.

Он совершает семь шагов.

И произносит знаменитые слова о своём последнем рождении.

Перед нами возникает образ существа, которое с самого первого мгновения отличается от всех остальных людей.

Но если мы хотим понять разницу между шраманой Готамой и образом Будды современного буддизма, именно здесь необходимо сделать паузу.

Как рассказывает традиция

В развитой биографической традиции будущий Будда рождается в Лумбини.
Его мать, Махамайя, стоит, держась за ветвь дерева.
Ребёнок появляется из её бока.
Небесные существа принимают его.
Его омывают два потока воды.
Затем он встаёт на ноги.
Делает семь шагов.
И провозглашает своё превосходство.
Это один из самых узнаваемых образов буддийской культуры.
Его можно увидеть на картинах, статуях, в храмах и современных книгах.
Для современного религиозного буддизма это уже не просто древний рассказ.
Это часть священной истории Будды.
Но возникает вопрос:
насколько этот образ соответствует тому, каким представлен Готама в раннем учении?

В ранней Дхамме главное происходит не при рождении

Это принципиальный момент.
В ранних текстах Будда становится Буддой не потому, что родился необычным ребёнком.
Он становится Буддой благодаря пробуждению.
Его путь начинается с отказа от мирской жизни.
Он становится шраманой.
Он ищет учителей.
Он практикует.
Он испытывает различные методы.
Он проходит через крайности.
Он понимает ограниченность аскетизма.
Он выбирает срединный путь.
И затем достигает пробуждения.
То есть центральное событие его жизни происходит не в Лумбини.
Оно происходит много лет спустя — под деревом Бодхи.
И это очень важно для понимания раннего шраманского характера Дхаммы.
Человек не становится Буддой просто потому, что родился особенным.
Он становится Буддой благодаря тому, что познал.

А что происходит в современном буддизме?

Здесь мы сталкиваемся с интересным наследием.
Современный буддизм существует в самых разных формах.
Есть Тхеравада.
Есть различные направления Махаяны.
Есть Ваджраяна.
Есть современные светские формы буддизма.

Но во многих традициях вокруг исторического Готамы существует огромный пласт повествований о его сверхъестественном статусе.

Будда становится не только учителем Дхаммы.
Он становится объектом поклонения.
Ему совершают подношения.
Перед его изображениями преклоняются.
Его статуям приписывают особую силу.

Возникают святые места, реликвии, чудеса, рассказы о прошлых жизнях и небесных мирах.

И постепенно образ исторического шраманы оказывается окружён религиозной культурой.

Это не произошло в один день.

Это был долгий исторический процесс.

И здесь необходимо различать два понятия

Дхамма шраманы Готамы

и

современный буддизм как сложную религиозную традицию.

Это не обязательно одно и то же.

Учение раннего Будды направлено прежде всего на понимание:

dukkha — страдания, неудовлетворённости;

samudaya — его возникновения;

nirodha — прекращения;

magga — пути.

В центре находится практика.

Этика.

Сосредоточение.

Развитие ума.

Мудрость.

Освобождение.

А вокруг этого первоначального ядра за столетия сформировался огромный культурный мир.

Храмы.

Ритуалы.

Почитание.

Культ реликвий.

Небесные миры.

Бодхисатты.

Многочисленные Будды.

Мифологические биографии.

Именно этот процесс мы и будем разбирать в нашей серии.

Не для того, чтобы объявить современный буддизм «неправильным».

А чтобы увидеть:

что было первоначальным учением шраманы Готамы, а что возникло позже.

Семь шагов — историческое событие или символ?

Возвращаемся к ребёнку.

Он делает семь шагов.

Почему именно семь?

Потому что число семь имеет важное символическое значение в древнеиндийской и буддийской традиции.

В поздней интерпретации эти шаги получают множество объяснений.

Но исторически мы не можем проверить, действительно ли новорождённый Готама ходил.

У нас нет независимого свидетельства очевидцев.

И здесь исторический подход должен остановиться.

Мы можем сказать:

сюжет существует в буддийской литературе.

Мы можем исследовать, когда он появляется.
Мы можем сравнивать различные версии.
Но мы не можем превратить религиозный текст в протокол родов.

Самое интересное — изменение функции рассказа

Представим раннюю общину.
Она помнит человека.
Этот человек оставил дом.
Стал шраманой.
Достиг пробуждения.
Создал общину.
Учил Дхамме.
После его смерти ученики рассказывают о нём.
Поколения проходят.
И возникает естественный вопрос:
кем был этот человек на самом деле?

Чем выше авторитет Будды, тем сильнее становится желание показать, что его исключительность была видна ещё раньше.

И тогда его величие переносится назад.
Сначала к моменту пробуждения.
Потом к юности.
Потом к детству.
Потом к рождению.
Потом к зачатию.
И наконец — к Тусите, где он находился ещё до рождения.
Так возникает обратное движение:
от пробуждённого человека — к космическому Будде.

И вот здесь современный буддизм получает свою знакомую форму

Сегодня человек может впервые встретиться с Буддой через статую.
Он видит спокойное лицо.
Золотое изображение.
Храм.
Благовония.
Подношения.
Ритуал.
Историю о чудесном рождении.
Историю о прошлых жизнях.
Небесных существ.
Богов.
Чудес.

И может возникнуть впечатление, будто Будда с самого начала был частью религии, очень похожей на современный буддизм.

Но историческая картина сложнее.
Готама жил в мире шраманов.
И сам его путь начинался как поиск освобождения.
Он не получил Дхамму от какого-либо создателя мира.
Он не объявил себя богом.
Он не говорил людям поклоняться ему как творцу.
Он показывал путь, который сам прошёл.
И именно поэтому образ шраманы Готамы так важен для нашей серии.

От рождения к уходу

Рождение — это только начало.

Следующий этап особенно интересен.

Потому что поздняя традиция создаёт вокруг детства Готамы совершенно особый мир.

Он становится царским сыном.

Его окружают роскошь и удовольствие.

Его отец старается не допустить к нему старость, болезнь и смерть.

Для него создаются дворцы.

Ему дают развлечения.

Его окружает красота.

И затем происходит перелом.

Он впервые сталкивается с тем, от чего его пытались оградить.

Старость.

Болезнь.

Смерть.

И отшельник.

Так рождается знаменитая история четырёх знамений.

Но здесь снова возникает наш главный вопрос:

действительно ли молодой Готама впервые в жизни увидел старика, больного и мёртвого человека?

Или перед нами позднейшая символическая форма, объясняющая гораздо более глубокий процесс — почему шрамана Готама решил оставить мир?

Именно это мы разберём дальше.

Четыре знамения

Как внутренний поиск шраманы Готамы превратился в историю о четырёх встречах

После рождения начинается детство.

В поздней буддийской традиции оно выглядит почти сказочно.

Сиддхаттха — царский сын.

Отец окружает его роскошью.

Для него строят дворцы.

Его окружают музыка, женщины и удовольствия.

Его стараются оградить от всего неприятного.

Старости.

Болезни.

Смерти.

И тогда происходит то, что сегодня знает практически каждый буддист.

Будущий Будда впервые выходит за пределы дворца.

И встречает старика.

Затем больного.

Затем мёртвого.

И наконец — странствующего отшельника.

Четыре знамения.

Четыре удара по привычной картине мира.

После них Сиддхаттха понимает:

всё, что кажется прекрасным, обречено на старение, болезнь и смерть.

И он решает оставить дворец.

Это одна из центральных историй современной буддийской биографии.

Но есть одна проблема.

В ранней сутте эта история выглядит совсем иначе.

Что говорит ранняя сутта?

Один из важнейших текстов — Ariyapariyesanā Sutta, MN 26 — «Сутта о благородном поиске».

И здесь нет знаменитой сцены с четырьмя поездками.

Нет царского отца, который специально скрывает от сына старость и смерть.

Нет четырёх ворот.

Нет колесницы.

Нет последовательной встречи сначала со стариком, затем с больным, затем с трупом и затем с отшельником.

Вместо этого Будда сам рассказывает о том, как он размышлял до пробуждения.

Он говорит по существу:

я сам подвержен рождению и поэтому искал то, что также подвержено рождению.

Я сам подвержен старению и искал то, что стареет.

Я сам подвержен болезни и искал то, что болеет.

Я сам подвержен смерти и искал то, что умирает.

И тогда возникает вопрос:

почему я, сам подверженный старости, болезни и смерти, ищу то, что также подвержено старости, болезни и смерти?

Почему бы мне не искать то, что свободно от рождения, старения, болезни и смерти?

Вот здесь и начинается ariya pariyesanā — благородный поиск.

И это совершенно другой тип рассказа.

В ранней версии нет спектакля

Это очень важно.

В поздней истории мы видим внешнее событие:

Готама увидел старика → понял старость.

Увидел больного → понял болезнь.

Увидел мёртвого → понял смерть.

Увидел отшельника → понял путь.

Это почти драматургия.

Четыре сцены.

Четыре символа.

Четыре шага к уходу.

Но в MN 26 Будда рассказывает прежде всего о собственном размышлении.

Именно это особенно хорошо соответствует шраманскому характеру его пути.

Он не получает откровение от бога.

Ему не является ангел.

Он не получает приказ покинуть дворец.

Он сам исследует проблему существования.

И приходит к выводу, что нужно искать освобождение.

А откуда тогда взялись четыре знамения?

Вот здесь начинается исторически интересный слой.

Самый ранний известный набор четырёх знамений связан не с биографией Готамы, а с Буддой Випасси в Mahāpadāna Sutta, DN 14.

Там рассказывается, как будущий Будда сталкивается с признаками старости, болезни, смерти и отшельничества.

То есть знаменитая схема уже существует как модель биографии Будды.

Но первоначально она относится к Випасси.

Позднее эта схема становится частью истории Сиддхаттхи Готамы.

И это очень показательно.

Получается, что традиция могла взять уже существующий шаблон жизни Будды и применить его к Готаме.

Исследователи отмечают именно эту особенность: древнейшее известное упоминание полного набора четырёх знамений связано с Випасси в DN 14, а затем этот мотив становится частью привычной биографии Готамы.

А что говорит ещё одна ранняя сутта?

Есть Sukhumāla Sutta, AN 3.38.

И вот здесь появляется очень интересный промежуточный слой.

Будда вспоминает свою молодость.

Он говорит, что его отец создал для него роскошные условия.

Он жил в удовольствии.

Но затем он размышляет о трёх видах опьянения:

молодостью, здоровьем и жизнью.

Молодой человек может думать:

«Я молод».

И забывать, что старость неизбежна.

Здоровый человек может думать:

«Я здоров».

И забывать о болезни.

Живой человек может думать:
«Я жив».
И забывать о смерти.
И именно это приводит к глубокому отвращению к мирской жизни.
То есть здесь уже есть ядро будущей истории четырёх знамений.
Но оно выглядит не как сказка о четырёх поездках.
Это созерцательное размышление о природе существования.
И это очень близко шраманской логике.
И вот здесь возникает наша главная реконструкция
Представим, как развивается традиция.
Первоначально сохраняется воспоминание:
Готама увидел проблему старости, болезни и смерти и решил искать освобождение.
Это вполне соответствует тому, как он сам описывает свой поиск в MN 26.
Затем возникает более символическая формула:
молодость → здоровье → жизнь → смерть.
А затем появляется уже полноценная драматическая биография:
старик;
больной;
мертвец;
отшельник.
И каждая встреча становится отдельной сценой.
Так внутреннее прозрение превращается в путешествие.

А что насчёт отшельника?

Здесь особенно интересно.

В поздней истории отшельник появляется как четвёртый знак.

Сиддхаттха видит человека, который отказался от мирской жизни.

И понимает:

вот путь, который мне нужен.

Но в ранней MN 26 ситуация совсем другая.

Готама сам рассказывает, как он покидает мирскую жизнь и становится странствующим шраманой.

Он не ждёт, пока кто-то покажет ему этот путь.

Он сам начинает поиск.

Он идёт к учителям.

Сначала к Āḷāra Kālāma.

Затем к Uddaka Rāmaputta.

Понимает, что их достижения не ведут к окончательному освобождению.

И продолжает искать.

В итоге он приходит к Урувеле.

То есть ранний рассказ гораздо более шраманский.

Это история поиска.

Практики.

Проверки.

Отказа от недостаточных методов.

И самостоятельного открытия пути.

Это принципиально меняет образ Будды

В поздней версии мы видим почти сказочного принца.

Он живёт в изолированном дворце.

Отец скрывает от него реальность.

Затем судьба специально посылает ему четыре знамения.

Он потрясён.

После этого принимает решение стать отшельником.

В современном религиозном буддизме именно эта история стала одним из главных объяснений Великого ухода.

Но ранний текст показывает другую картину.

Перед нами человек, который сам задаёт вопрос о существовании.

Он видит проблему не только вокруг себя.

Он понимает:

«Я сам подвержен старости. Я сам подвержен болезни. Я сам подвержен смерти».

И поэтому ищет освобождение.

Это уже не просто биография.

Это философия шраманы.

Поэтому «четыре знамения» могли быть мифологической формой реального вопроса

И здесь нужно быть честным.

Мы не можем доказать, что Готама никогда не встречал старика, больного или мёртвого.

Разумеется, он мог видеть их.

Но исторически мы не можем подтвердить, что существовала именно такая последовательность из четырёх царских поездок.

И мы не можем доказать, что отец специально изолировал его от подобных людей.

Поэтому правильнее сказать:

ранний текст сохраняет внутренний поиск, а поздняя биография оформляет этот поиск в символическую историю четырёх знамений.

Это не доказательство того, что поздняя история «полностью выдумана».

Это показывает, как один и тот же смысл может быть представлен двумя совершенно разными способами.

Шрамана Готама и Будда современного буддизма

И здесь мы снова возвращаемся к главной теме нашей серии.

Шрамана Готама говорит:

я сам подвержен старости — поэтому ищу то, что свободно от старости.

Я сам подвержен смерти — поэтому ищу то, что свободно от смерти.

Это направление от собственного опыта к освобождению.

А современный религиозный образ Будды часто начинается уже с другого:

особенный принц;

чудесное рождение;

предзнаменования;

четыре мистические встречи;

предопределённая судьба Будды.

То есть вокруг Дхаммы постепенно возникает священная биография.

И чем больше развивается религиозная традиция, тем более подробно она рассказывает не только о том, чему Будда учил, но и о том, каким сверхобычным существом он был.

Но для шраманского понимания это не главное.

Главное — не то, что Готама родился необычным.

Главное — что он сделал после рождения.

Он оставил дом.

Он стал шраманой.

Он искал.

Он ошибался.

Он проверял учения других.

Он отказался от крайностей.

И наконец он достиг пробуждения.

Поэтому четыре знамения — это не конец истории

Возможно, именно здесь начинается одна из самых интересных вещей.

Позднейшая традиция говорит:

«Он увидел четыре знамения — и поэтому ушёл».

Ранняя Дхамма показывает:

«Он понял природу обусловленного существования — и поэтому начал благородный поиск».

Разница кажется небольшой.

Но на самом деле она огромна.

В первом случае мы получаем красивую религиозную биографию.

Во втором — путь шраманы.

И если мы хотим понять, что было в основе учения Готамы, нам снова придётся оставить дворец.

Потому что следующий этап — это уже не принц.

Не царский сын.

Не герой легенды.

А Сиддхаттха Готама, который становится странствующим шраманой.

И именно здесь начинается его настоящий поиск Дхаммы.

Великий уход

Как уход шраманы Готамы превратился в религиозную легенду

История Великого ухода — одна из центральных историй жизни Будды.
Молодой Сиддхаттха живёт во дворце.
Он окружён богатством.
У него есть жена Ясодхара.
Рождается сын Рахула.
Но всё это не останавливает его.
Однажды ночью он принимает решение.
Он покидает дворец.
Его верный слуга Чанна седлает коня Кантхаку.
Боги помогают им выбраться незаметно.
Охрана спит.
Музыка прекращается.
Дворец погружается в тишину.
Готама пересекает границу своего царства.
Затем он снимает царские украшения.
Отдаёт их Чанне.
Отрезает волосы.
Надевает одежду странствующего аскета.
И становится шраманой.
Так рассказывает позднейшая традиция.
Но теперь снова зададим наш главный вопрос:
а что говорит ранняя Дхамма?

Ранняя версия гораздо проще

В Ariyapariyesanā Sutta, MN 26, Будда сам рассказывает о своём уходе.
И это один из важнейших текстов для понимания исторического образа Готамы.
Он говорит:
«Я был молод, с чёрными волосами, в расцвете юности».
Он описывает родителей.
Описывает, что они не хотели его ухода.
Но затем Готама принимает решение оставить мирскую жизнь.
Он оставляет родственников.
Бреет волосы.
Надевает одежду странствующего монаха.
И отправляется искать то, что не подвержено рождению, старости, болезни и смерти.
Никакого Кантхаки.
Никаких богов, которые помогают ему бежать.
Никакой охраны, погружённой в сон.
Никакого сверхъестественного сопровождения.
В центре — решение самого человека.
И это очень важная разница.
Почему ранняя версия так важна для шраманизма?
Потому что шраман — это человек, который сам выбирает путь отказа от мирской жизни.
Он не становится отшельником потому, что бог приказал ему это сделать.
Он не получает посвящение от небесного существа.
Он сам отказывается от привычной жизни.
Сам отправляется искать.
Сам проверяет учения.
Сам практикует.
Именно это мы видим в раннем рассказе о Готаме.
Поэтому Великий уход в ранней Дхамме — это прежде всего акт свободного поиска.
Но поздняя биография делает его гораздо драматичнее
В поздней традиции появляются подробности.
Готама покидает дворец ночью.
Его отец ничего не знает.
Чанна сопровождает его.
Кантхака несёт его.
Боги помогают коню не издавать звука.
Готама покидает город.
Доходит до реки Аномы.
Перерезает волосы.
Снимает царскую одежду.
И превращается из принца в аскета.

Особенно известен этот сюжет в Nidānakathā, которая стала важнейшей биографической традицией Тхеравады.

Но эта биография значительно позднее ранних сутт.
И здесь мы снова видим знакомый процесс.
Историческое решение превращается в священную сцену.

Что произошло с Кантхакой?

Кантхака — один из прекрасных примеров развития мифа.
В поздней истории конь становится почти отдельным персонажем.
Он помогает Готаме покинуть дворец.
После Великого ухода он возвращается и умирает от тоски по своему хозяину.
Затем перерождается среди богов.
Это уже совершенно другой тип повествования.
Здесь появляется не просто история ухода.
Возникает эмоциональная религиозная легенда.
Каждая деталь усиливает драму:
верный конь;
преданный слуга;
спящий дворец;
ночь;
боги;
тишина;
последний взгляд;
отречение.
В результате уход Готамы становится почти сакральным спектаклем.
Но зачем было создавать такую историю?
Потому что простой рассказ:
«Готама оставил дом и стал странствующим шраманой»
не даёт такого эмоционального эффекта.
А история о принце, который ночью тайно покидает дворец, гораздо сильнее.
Она превращает отказ от мирской жизни в великий религиозный акт.
И постепенно возникает идеальный образ отречения.
Будущий Будда не просто уходит.
Он отказывается от всего.
От богатства.
От власти.
От семьи.
От царского будущего.
От удовольствий.
И это становится образцом для последующей монашеской традиции.
Но здесь есть ещё одна важная деталь
Поздняя традиция делает причиной ухода прежде всего встречу с четырьмя знамениями.
Но в MN 26 Готама объясняет свой поиск иначе.
Он размышляет о природе существования.
Он видит проблему:
рождение ведёт к старости, болезни и смерти.
И поэтому ищет нерождённое, нестареющее, неболеющее и бессмертное.
То есть в раннем тексте уход — это продолжение внутреннего поиска.
Не романтический побег.
Не трагическая история принца.
Не исполнение божественного плана.
А сознательный выбор человека, который хочет найти освобождение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.